

Морская звезда

Анна Николаевна, тихая, бесцветной внешности дама лет за сорок, по вечерам любила гулять по Старому Арбату. Особенно он был хорош в пору весенних лиловых сумерек. Между окончанием рабочего дня и вечерним отбоем можно было вдохнуть свежесть распускающейся листвы, кремнистый запах тротуарного камня...

Сочетание свежести листвы и теплоты камня окутывало её невидимым облачком, которое иногда пронизывали струйки весёлого дождя. Анна Николаевна, смеясь и молодея, пряталась от него куда попало - транспорт по Арбату давно не ходил, и от крытых остановок осталось одно воспоминание.

В хорошую погоду она гуляла почти каждый день.

Домой можно было не спешить. Дома ждал тихий ужас.

Когда она отпирала дверь - посреди комнаты, мыча и пуская слюни, представал её сын, инвалид детства. Здоровенный верзила много ел, но работать не мог, и проводил время, слоняясь из угла в угол. Когда ему попадала в руки книга (обычно мать запирала книжный шкаф на замок), он с наслаждением рвал страницы на кусочки. К приходу матери весь пол был усеян бумажными клочками. От некогда богатой библиотеки отца Анны, профессора-филолога, осталось меньше половины.

Как бы она ни устала на работе и после долгой прогулки, ей всё равно приходилось убирать комнату, мыть посуду, готовить еду сыну на завтра, заниматься с ним. Она ещё не потеряла надежды на то, что «ребёнку» удастся вернуть хоть частицу того, что при рождении достаётся каждому человеку - ума и речи.

Шли годы. Сдвигов не было. В высоких окнах старого дома гасли закаты, летел снег, хлестали дожди. Анна старела. Она привыкла к своей жизни, как заключенный - к камере-одиночке. Срослась со стенами, покрытыми выцветшими обоями. Вырваться этих стен ей было так же трудно, как из собственной кожи.

Однако она не переставала мечтать об этом. И молиться тайком от самой себя.

Бог и молитвы к Нему могли бы облегчить её жребий. Но ей мешала застарелая обида на Него за всю её страшную, нелепую, как ей казалось, жизнь. Что её молитва может что-то изменить - она не верила из гордыни, свойственной людям, упивающимся своими несчастьями.

Всё шло своим путем, пока в один из весенних дней 42-го года её жизни она не ощутила предчувствие перемены. Сценарий перемены был от неё скрыт, и она не проявляла любопытства. Однако передвижка декораций за кулисами видимого бытия уже началась, и была уже занесена рука над страницей её жизни, чтобы эту страницу перевернуть...

Внезапно забеспокоился её сын. Мычал громче обычного, рвался на улицу, бил кулаками в стены. Успокоительные лекарства не помогали. В юноше внезапно забурлила весна. Анна на работе теперь сидела как на иголках, и как только заканчивался рабочий день - пулей летела домой. Прогулкам пришёл конец.

Но, посидев дома с сыном всего несколько вечеров, она взвыла от безысходности. К «ребёнку» она так и не привыкла. В конце концов Анна договорилась с пожилой соседкой, что та будет за небольшую плату навещать её сына по вечерам (днём приходила сиделка), чтобы он не чувствовал себя одиноко и не бился о стены.

Переложив свою заботу на непритязательную женщину, которая была не прочь подзаработать к пенсии, Анна почувствовала, что руки у неё развязаны. Можно было перевести дух. Слишком много лет она несла одна эту неподъёмную тяжесть. Человеком сын для неё не был. Это было громоздкое, бессмысленное и опасное существо, родившееся от случайных отношений. Сколько она с ним ни билась - разбудить в нём человека не смогла. Врачи не утешали её надеждами на перемены к лучшему - при такой болезни их быть не могло.

Прошло ещё немного времени. Анна пришла в себя, осмелела. Снова, как раньше, мерила шагами Арбат, сидела на скамейках, пила сладкую воду Лагидзе - единственное лакомство, которое себе позволяла. Снова расцветали закаты и весело брызгали дожди. И однажды Великий Взрыв всё-таки состоялся.

Повод к этому был ничтожный. Картинка, написанная маслом, изображавшая ярко-красную морскую звезду.

Эта картинка висела на стене комнаты, куда Анна заглянула через окно. Сквозь тюлевые занавеси видна была старинная мебель, стены, оклеенные синими с мелким рисунком обоями, дубовая дверь, изразцы печи-голландки... Она вгляделась в пылающую морскую звезду - и вдруг закричала громко и отчаянно... Звезда, казалось, шевелила своими щупальцами, дразня несчастную. Морок, пришедший из бездны, злая насмешка, горечь истраченной непонятно на что жизни - всё слилось в безобразный колючий комок, забивший горло. Она силилась вытолкнуть его из себя, давилась, билась и снова кричала, заливаясь горькими ядовитыми слезами.

Она не видела, что вокруг собралась толпа, что её пытались привести в чувство, совали ей воду, валидол, валерьянку, обмахивали веером. Кто-то побежал вызывать «скорую» - она слабо пискнула: «Не надо» - и доброволец с облегчением вернулся. Не видела, как из-за угла дома выбежал крепкий седоголовый мужчина лет пятидесяти, на ходу срывая с себя осыпанный стружками фартук, пробился к ней, обнял её и прижал к груди её голову.

- Успокойтесь, пожалуйста, - шептал он ей на ухо. И обращаясь к толпе: «Ну что, граждане, собрались? Чего не видели? Расходитесь. А то жену перепугали - вон дрожит вся». И снова ей на ухо: «Не сердитесь. Как вас зовут?

Анна? Пойдемте ко мне, вот моя квартира, на первом этаже, вы в окно смотрели. Вам надо придти в себя».

Бережно поддерживая обессиленную женщину, он привёл её в квартиру с высокими потолками и голландской печью. Анна опустилась в кресло. Ей казалось, что она во сне. Пришли двое юношей, сыновей хозяина, как догадалась Анна. Все расположились вокруг стола, покрытого тяжёлой штофной скатертью.

- Чего только не встретишь в старинных особняках... - заметила незваная гостя. Как Вас зовут?

- Меня Арсений, а сынов - Епифаний и Дормидонт.

- Как красиво! Точно в житии святых, - восхитилась Анна.

- Да уж точно святые! Такие безобразники...

- Пап, ну что ты, право? Госпожа нас не знает, невесть что подумает, - запротестовали оба.

- Что надо - то и подумает. А по мастерству мы краснодерёвщики, - продолжал хозяин. Вся мебель в доме - нашей работы. Заказы берём от музеев и частных лиц.

- «Новым русским» хоромы обставляете?

- Как можно? У них же ни вкуса, ни понятия! С ними скушно, не желаем, ни сыны, ни я. Кстати, что же мы сидим? - спохватился Арсений. остью же надо чаем напоить, да и самим не мешало бы испить китайской травки. С обеда всё колотимся, передохнуть пора...

Старший, Епифаний, внёс самовар с медалями. Из шкафа появилась расписная чайная посуда.

- Как у вас всё... - Анна замялась, ища подходящие слова. По-настоящему! Расскажите, как это удалось?

Арсений Мефодьевич рассказал, как он, столяр из Тверской области, приехал в столицу в 80-х на заработки, подрядился реставрировать мебель в особняке, как пришёлся по нраву хозяину - потомку старинного купеческого рода. Тот оставил ему по завещанию дом с обстановкой, половина которой уже была отреставрирована к тому времени руками прищельца-мастера. Как пришлось судиться с наследниками. Выиграв дело, он выписал с родины жену с детьми и поселил в доме вблизи Арбата. Но жена от суеты и толчеи занемогла. Тосковала по своей тихой родине и вскоре умерла.

- Теперь живём одни, - заключил Арсений Мефодьевич. А вы?

Анна замялась. С одной стороны, гостеприимному хозяину надо бы ответить таким же рассказом о своём житии-бытии. С другой - её житьё-бытьё для таких рассказов решительно не подходило.

- Ну, ладно, потом как-нибудь, - заметив её замешательство, сказал хозяин.

- Засиделась я у вас. Мне уже пора, - заторопилась Анна и поднялась.

- А вы приезжайте ещё. Я вам столько расскажу всего! Ночевать останетесь, если захотите. Тут знаете, сколько комнат? Одиннадцать! Побегал я

в свое время, чтобы всё сохранить - сынов-то двое. А у вас дети есть? - внезапно спросил он, вглядываясь в собеседницу.

Анна струхнула и сделала вид, что не слышит. Хозяин тактично промолчал.

- Я поеду отвезу вас, - промолвил он. Женщина в панике запротестовала: войдя в дом, он сразу же увидит сына. И прощай после этого романтическое знакомство!

- Привезу и высажу у подъезда, - точно читая её мысли, сказал он и улыбнулся. В гости напрашиваться не стану, не беспокойтесь.

Анна взглянула на него с благодарностью. Но уходить медлила, ожидая продолжения.

- В следующий раз пойдём с вами в храм Спаса на Песках. Там в воскресенье праздник. Хотите?

«Ясновидящий он, что ли?» И вслух: «Конечно, хочу! Я ещё никогда не была в этом храме». «...И вообще нечастая гостья в церкви» - хотела добавить, но вовремя спохватилась: это могло ему не понравиться.

- Договорились! Я за вами заеду. Садитесь, поехали. И не бойтесь ничего.

Он сел за руль блестящей иномарки, перекрестил дорогу, затем собеседницу.

И она впервые за долгие годы с облегчением вздохнула.

Марина Васильева
Март 2015